

Н. Г. Пашкин

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

**Византия в международных аспектах истории
периода Константинопольского собора (1414–1418)**

История турецко-византийских отношений XV в. являлась частью широкого международного контекста, в котором они могли балансировать между столкновением и взаимовыгодным миром. Для Византии это означало, что одним из способов сдерживания турок мог быть альянс с ними. Он позволял укрепить ее роль как субъекта в международной политике и ослабить тенденции, ведущие к уничтожению ее как государства.

Многое говорит о том, что стратегия византийской дипломатии в этом направлении начала складываться с 1402 г. после битвы при Анкаре. Галлиполийский договор, подписанный по ее следам в 1403 г., связал между собой Византию и османского султана Сулеймана (1403–1411), чем уравнивал интересы таких сильных конкурентов как Венеция и Генуя. Однако система выстроенных отношений была разрушена в ходе борьбы в Османском государстве между наследниками Баязида I (1389–1402), длившейся с 1409 по 1413 гг. В свою очередь эта борьба протекала синхронно с международным конфликтом между Венецией и венгерским королем Сигизмундом Люксембургом (1387–1437) и по многим признакам была производной от него.

Но на попытки Сигизмунда расширить состав участников конфликта Византия не откликнулась. Он развязывал руки турецкой агрессии, которую европейские государства пытались использовать друг против друга. Вместо этого реакцией византийского императора стала политика умиротворения сторон. Она проявилась, когда на османский престол при поддержке Византии взошел Мехмед I (1413–1421), а Венеция и Сигизмунд незадолго до того заключили перемирие. В конце 1413 г. император Мануил II (1391–1425) впервые предложил Венеции посредничество в заключении мира с венгерским королем. Выполнить посредническую миссию ему позволяло именно то, что только у него были союзные отношения с новым турецким правителем.

Обратим внимание, что инициатива императора совпала с ситуацией на Западе. Как раз в это же время состоялась политическая конференция в Лоди (декабрь 1413 г.), где были собраны представители Венеции, Милана, Генуи, папы и короля Сигизмунда. Предпринятая здесь попытка решить вопрос о мире Венецианской республики с Венгрией успехом не увенчалась. Теперь в роли посредника должен был выступить папа. По этой причине Венеция отказала Византии в ее инициативе. Поскольку же латинский Запад в тот момент переживал схизму (1378–1417), то завершить ее официально предстояло церковному собору. Местом созыва был назначен город Констанц на юге

Германии. Это давало немалые козыри королю Сигизмунду, т. к. он был в тот момент германским королем (с 1410 г.) и, следовательно, фактическим императором Запада и возглавляющим этот собор светским лидером. Констанцкий собор (1414–1418) становился для него частью большой дипломатической борьбы за создание коалиции против Венеции. Летом 1414 г. с просьбой оправить туда посольство Сигизмунд обратился и к византийскому императору. В его послании содержался также призыв к совместным операциям против турок.

Антиосманские планы Сигизмунда нельзя рассматривать в отрыве от его конфликта с Венецией, так как последняя, напротив, пыталась оформить договор с очередным турецким правителем с момента его утверждения на троне. Но для Византии это был весьма нежелательный сценарий, грозивший развязать новую фазу противостояния европейских государств. Пока главные участники конфликта удерживались от прямого столкновения перемирием и дипломатической ареной Констанцкого собора, они могли вести борьбу за свои интересы с помощью других игроков. Венеция явно делала ставку на стравливание Сигизмунда и его союзников с турками. В свою очередь дипломатия Сигизмунда искала контакты с восточными бейликами, стремясь координировать их действия против султана Мехмеда I. Не могло быть случайным и одновременное появление с этого фронта фигуры по имени Мустафа, выдаваемой за брата последнего с претензиями на его трон. Переправленный в Европу из Трапезунда, он был принят валашским господарем Мирчей I (1386–1418). Угрозу венецианским силам в Далмации и Албании представляли также союзники венгерского короля в Боснии. Наконец, с Запада серьезной угрозой для Венеции мог стать потенциальный союзник Сигизмунда арагонский король Фердинанд I (1412–1416). По имеющимся у византийского императора в ноябре 1414 г. сведениям, можно было ожидать прибытие его кораблей к берегам Мореи. Даже вероятность такой экспедиции должна была всерьез обеспокоить Венецию.

Таким образом, Балканы готовились стать местом потенциального столкновения. Участие в нем турок могло разрушить такой ценой доставшийся Византии мир с ними. И так как Констанцкий собор должен был отвлечь на себя внимание короля Сигизмунда, то именно после его открытия (ноябрь 1414 г.) вероятность роста военной напряженности увеличивалась. Можно предположить, что это и заставило византийского императора предпринять ряд шагов. В 1414 г., когда Венеция отклонила его посредническое предложение об умиротворении конфликта с Сигизмундом, император Мануил II отправился в Фессалонику, а оттуда в начале 1415 г. – в Морею, инициировав одновременно возведение укреплений Гексамиліона на Истме. В это же время через Константинополь в Венецию был пропущен посланник Мустафы. Византия, официально не признававшая Мустафу, явно стремилась сблизить

Венецию с ним и тем самым не допустить договора морской республики с Мехмедом I. Это могло спровоцировать его конфликт с Венгрией. Однако Венеция в отношении с Мустафой не вступила, и дальнейшие события косвенно подтвердили ее политическую стратегию в борьбе со своим главным врагом, которой Византия пыталась помешать. Летом 1415 г. турки ворвались в Боснию и нанесли сильнейшее поражение венгерским союзникам в этом регионе, а затем и самим венграм. Король Сигизмунд и его представители на Констанцском соборе обвинили Венецию в тайном союзе с турками. Намек на это был и в послании венецианцам византийского императора.

В начале 1416 г. византийский посол, следовавший на Констанцкий собор, вновь предложил Венеции закончить конфликт с венгерским королем. Хотя республика дала принципиальное согласие, она продолжала искать одностороннего соглашения с султаном. Поэтому не исключено, что последовавшее затем выступление Византии на стороне Мустафы явилось попыткой надавить уже на самого Мехмеда I, чтобы удержать его от договора с венецианцами. При этом Византия четко давала понять, что не собирается нарушать мир с турецким правителем: отсюда и данные ею впоследствии гарантии, что Мустафа до конца его правления будет оставаться в полной изоляции под контролем византийцев. Византийская дипломатия не смогла, однако, закрепить этот успех. По окончании Констанцкого собора война Венеции с венгерским королем возобновилась, а без его прекращения попытки Византии обезопасить себя своеобразным балансом сил, включая в него силу Османского государства, были обречены на провал.

В. В. Петрунин

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел)

Советский тип политической секуляризации и концепция «византизации» Д. Б. Зильбермана

В русской мысли одной из актуальных тем продолжает оставаться русско-византийский культурный диалог. В дореволюционный период, в рамках концепции византизма К. Н. Леонтьева, культурный архетип Византии рассматривался как системообразующее начало русской культуры, основа самостоятельного цивилизационного бытия России. Определяющим фактором византийского влияния называлось православное христианство, что определяло исключительно религиозный акцент византизма.

Вместе с тем, построение секулярного государства в XX в. не сняло проблему византизма с интеллектуальной повестки русской мысли. Хорошо известен тезис Н. А. Бердяева о религиозных истоках русского коммунизма. В советской мысли одним из ярких примеров актуализации византийского наследия в СССР становятся труды Давида Зильбермана, эмигрировавшего в